

Князь И. М. Долгорукой

Князь Иван Михайлович Долгорукий, бывший Владимирский губернатор, оставивший много памятников пребывания и управления нашею губерниею, происходил из знаменитого рода князей Долгоруких, резко выступивших на государственное поприще ещё при Петре Великом: князь Яков Фёдорович, известный подвигами и бесстрашною правдивостью, был сподвижником Петра Первого; князь Григорий Фёдорович, брат его, в то же время служил полномочным министром в Польше. Внук последнего и дед Ивана Михайловича, князь Иван Алексеевич Долгорукий был любимцем Петра II, знаменит быстрым своим возвышением и быстрым падением, и кончил жизнь на плахе. Супруга его, родная бабка Ивана Михайловича, княгиня Наталья Борисовна была та самая, которую воспел в особой поэме известный поэт И. И. Козлов и которая оставила после себя записки, напечатанные сначала в «Друге юношества» 1816 года, № 1, потом в книге князя П. Долгорукого «Сказания о роде князей Долгоруковых» (СПб., 1840 г.), и полностью — в «Русском архиве» 1866 года, № 1. с. 2

Князь Иван Михайлович Долгорукий, сын Михаила Ивановича и Анны Николаевны, урождённой баронессы Строгановой, родился в Москве 7 апреля 1764 года. На втором году жизни ребёнок занемог оспой, от которой едва не умер. В то время ещё не знали об оспопрививании. По словам самого князя, его спасла от смерти тёплая вера родителей, прибегнувших в этом несчастном случае с молитвою к Богу. До конца жизни своей князь Иван Михайлович — отметим кстати — был глубоко верующим человеком; первые добрые семена этого были заложены в нём кротким и добрым пожилым священником, о котором с любовью вспоминает в своих записках князь. с. 3

По желанию отца мальчик, до 8 лет находившийся под надзором француженки, имел возможность получить самое основательное воспитание, так как отец хотел подготовить Ивана Михайловича к дипломатической службе. К нему был приставлен иностранец Руле, но — как сознаётся сам князь — у мальчика умственные способности развёртывались медленно. «Я, — говорит князь, — был туп, понимал уроки с трудом; лучшее сокровище была моя память: твердить наизусть был мастер. С языка лилось, как у попугая; но забывал назавтра». К этому нужно добавить, что в детстве князь был болезненный, золотушный.

Десятилетнему князю Долгорукому в 1775 году крёстный отец, барон А. Н. Строганов, командовавший полком и стоявший с ним в Польше, выпросил у тогдашнего короля Станислава Понятовского чин полковника, а для его учителя, Руле, чин майора. Таким образом, князь Долгорукий до вступления своего в службу был уже полковником. Это обстоятельство навело отца князя на мысль — отправить сына для довершения образования за границу, с тем чтобы он после того отправился на службу в Польшу. С этой целью к 11-летнему князю был приставлен другой наставник — Совере, человек умный и сведущий, который и довершил образование юноши. Отправка за границу, однако, не состоялась: молодой князь настолько хорошо знал латинский язык, что мог свободно слушать лекции университета, читавшиеся тогда на латинском языке, и И. И. Шувалов, главный попечитель московского университета, уговорил князя Михаила Ивановича отдать сына в университет. И вот на 14 году (в 1777 году) князь Иван Долгорукий был записан в университет и принят по экзамену слушателем. В 1778 году университет праздновал в январе торжественным актом рождение великого князя Александра Павловича, и князь Долгорукий удостоился чести читать на акте публичную речь, сочинённую профессором Чеботарёвым, а в июне того же года он был произведён в студенты и получил шпагу. с. 4

*Смирнов, А. В. XXI. Князь И. М. Долгорукой // Смирнов, А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы / А. В. Смирнов. — Владимир: Типография губернского правления, 1897. — Выпуск 2. — С. 1—33, 263. — (Дополнение из выпуска 3, с. 282, и выпуска 5, с. 184.)

с. 5 В 1779 году князь Иван Долгорукий сделал первую попытку — выступить на литературное поприще: он перевёл (под руководством Совере и других домашних учителей) сочинение Мерсье — «Философических снов 2 части», которые, как «переведённые с французского на русский язык, Вольного Российского Собрания Авскултантом, Князем Иваном Долгоруковым», были напечатаны «в Москве. В Университетской типографии у Н. Новикова». 1780—1781. 8°. Этот перевод был посвящён Ив. Ив. Шувалову; за этот перевод, ещё не напечатанный, осенью 1779 года Иван Михайлович был принят в существовавшее при университете с 1771 года Вольное Российское Общество, имевшее целью «исправление и обогащение русского языка изданием полезных сочинений и переводов прозою и стихами, также обработка русской истории». В этом обществе князь во время студенчества иногда исправлял обязанности секретаря.

По окончании университетского курса И. М. по обычаю того времени начал своё поприще с военной службы и, как студент, изучивший латинский язык, был принят в армию офицером и по личному желанию главнокомандующего в Москве причислен к его штату — сначала ординарцем, а потом секретарём. В это время отец его служил в Петербурге и ему пришлось жить с матерью в Москве. Будучи глубоко набожна, она заставляла сына читать в домашней церкви во время богослужений. «Тут, — говорит князь, — кроме неоценённой пользы духовной и коренных навыков наружного благочестия, приобрёл я ещё и познание славянского языка».

с. 6 А это — в свою очередь — познакомило его с красотами отечественного языка и пробудило в нём страсть к писательству.

В 1782 году служба его в Москве кончилась и он переехал к отцу в Петербург. Там князь Иван Михайлович был переведён из армии в гвардейский Семёновский полк прапорщиком, где в январе 1785 года был произведён в поручики и получил старшую вакансию на адъютанта. Служба в гвардии сделала известным Долгорукого и великому князю Павлу Петровичу: у великого князя зимою давались два бала в неделю, на которые из каждого полка назначались два офицера. После он был принят и в домашнем кругу великого князя, благодаря тому обстоятельству, что князь Долгорукий, ещё ранее получивший славу хорошего актёра на домашних спектаклях в знатнейших домах Петербурга, принимал участие в спектакле, который давала великая княгиня Мария Феодоровна для сюрприза своему супругу. В этом спектакле князь Долгорукий имел совершенный успех, и с этого времени началось его личное знакомство с великим князем. В это счастливое время состоялась и женитьба Долгорукого на Евгении Сергеевне Смирновой, любимице великой княгини Марии Феодоровны; свадьба была отпразднована торжественно во дворце великого князя 31 ноября 1787 года.

с. 7 1788 год должен быть отмечен особо в жизни князя Долгорукого, и не потому, что он 1 января был пожалован в капитан-поручики: с этого года он начал собирать все свои стихи, которые стал писать с 18 лет, и с того же года князь начал писать историю своей жизни, свои записки, дающие главный и обильный материал для биографов Долгорукого. В 1788 же году были в первый раз напечатаны стихи князя, — это — «На смерть Горича», казака, убитого при взятии Очакова; они были выпущены в свет на особых листочках при «Московских ведомостях». В том же году он переделал на русские нравы комедию Poinssinet — «La sourée à la mode», которая была играна на сцене, но не напечатана.

В 1791 году князь И. М. Долгорукий вышел в отставку из военной службы, с чином бригадира, и поселился в Москве, где проводил большую часть времени у себя в кабинете. Жене, привыкшей к Петербургу, такая жизнь не могла нравиться, да и отец князя желал скорее доставить сыну место в гражданской службе. Первая попытка в этом направлении — занять место председателя верхнего земского суда — кончилась неудачей, был определён другой. После этого молодой князь, с согласия отца, решился на самый отважный поступок: он адресовал на имя императрицы письмо, в котором, изъявляя желание трудиться и быть полезным, просил об определении его к должности. По рассказу князя, императрица, получив письмо, в тот же день (19 сентября 1791 года) высочайше указом соизволила определить князя вице-губернатором в Пензу.

с. 8 В Пензе князь Долгорукий прослужил до конца царствования императрицы Екатерины II. Жизнь в провинциальном городе, после блестящей петербургской жизни, не могла быть привлекательной для князя, тем более что и подходящего знакомства там трудно было подобрать в тогдешнее время. Только в доме Загоскиных, родителей известного впоследствии романиста М. Н. Загоскина (автора «Юрия Милославского» и других), князь И. М. находил для себя истинное успокоение, в котором он нуждался с первых же шагов службы в Пензе. Дело в том, что молодой князь со всею горячностью молодости принялся за исполнение новых своих обязанностей, вникал во все подробности сборов, рекрутских раскладок, оброчных статей

и тому подобного, и тем самым вызывал противоречия, неудовольствия старых служащих, которые всеми способами старались интриговать против князя. Кроме того, всегда склонное, а особенно в былые времена, провинциальное общество к сплетням находило обильную пищу в поведении и поступках самого князя: несмотря на своё служебное положение, Иван Михайлович в свободное от занятий время любил толкаться в народе, забавляться по вечерам разными общественными играми, и открыто презирал угодливых и низкопоклонных, имевших нужду во всех должностных лицах губернии, и особенно в вице-губернаторе; наконец, несмотря на счастливое супружество, князь не прочь был завести и любовные интрижки, правда, временные; но это обстоятельство к концу службы было возведено недоброжелателями чуть не в преступление, за которое он и был «отставлен от дел».

с. 9

Единственным утешением для князя были литературные занятия, которая во время службы его в Пензе сделали имя его очень известным. «Я стихотворство почитаю целителем моего уныния, товарищем в скуке; способом наиприятнейшим коротать нечувствительно время, когда досады и заключение из минут делают нам годы», — говорит князь в своих записках. Одним из первых стихотворений, напечатанных (в 1793 году) им в Пензе, было послание «К швейцару», обратившее на себя общее внимание оригинальностью своего содержания. Одни видели в этом стихотворении хвастовство молодого вице-губернатора, желающего выставить свою правдивость и доступность, а другие находили откровенность, неприличную его званию. Таковы были тогдашние нравы. Неблагоприятные мнения, однако, нисколько не смущали князя — он не только отвергал условные приличия в поэзии, но до некоторой степени бравировал откровенностью, — таково, например, его стихотворение «К Людмиле», написанное в 1794 году. В Пензе князь написал и философическую оду «Камин», приобретшую громкую известность. Это стихотворение сначала было напечатано в Рузаевке Пензенской губернии, у Н. Струйского, в 1795 году, в небольшом числе экземпляров, только для знакомых князя; потом оно было перепечатано, уже в бытность автора в отставке — «Камин, сочинение Князя Ивана Долгорукого, с французским переводом Карла Авиата де-Ватай».¹ В 1795 году написано князем стихотворение и «К судьбе», в котором, перебрав разные шутки судьбы с людьми и народами, упрекает её в переменах своей жизни.

с. 10

С восшествием на престол императора Павла I Долгорукий был немедленно отставлен от дел и переехал опять на житьё в Москву, к своему отцу. Средства к жизни, однако, были очень ограничены, нужно было служить. Правда, сам князь не хлопотал о месте, но жена его, ещё не порвавшая совсем связи с Петербургом, решила лично хлопотать за мужа. Много ей пришлось одолеть затруднений в Петербурге, и только после этого достигнуть некоторого успеха. В 1797 году князь Иван Михайлович Долгорукий был определён тем же чином в Петербург, в камер-коллегию, в качестве присутствующего. Но не успел он доехать до нового места служения, как в Клину получил копию с указа о пожаловании его в действительные статские советники и о перемещении в главную соляную контору в Москве, с жалованьем по 1 875 р. Вслед за этими милостями он по именному повелению получил выговор за худое обращение с своею женою. Выговор последовал по докладу прежнего его дела, по пензенской ссоре, за которое он уже был отставлен от дел.

В Москве, на родине, где князь снова мог бывать в светском обществе, Долгорукому служить было приятно, несмотря на несогласия с главным директором конторы. Там, в Москве, Иван Михайлович возвратился и к литературным занятиям. Ещё в 1797 году он напечатал «Стихи на кончину Ивана Ивановича Шувалова»;² в этом же журнале³ он напечатал ещё стихотворение «В последнем вкусе человек», а в «Аонидах»⁴ «Параша»; в 1798 году он написал комедию «Отчаяние без печали» и оперу «Любовное волшебство. Опера в 3 действиях».⁵ Комедия была только один раз сыграна детьми князя, в 1808 году во Владимире. В конце 1798 года Долгорукий написал стихотворение «1799 год», замечательное по своим воспоминаниям об Екатерине Великой. В этом же году князь, равнодушный к княжне Варваре Петровне Волконской, воспел её в двух стихотворениях под заглавием «Глафире», из коих одно было напечатано в «Ипокрене» 1799 года, ч. 3, стр. 151—159; вообще князь немало писал стихов женщинам; той же Волконской он посвятил ещё третье стихотворение, под тем же заглавием, и ещё несколько, из коих было

с. 11

¹ М., типография Ридигера и Клаудия. 1799. 8°.

² «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. 16, стр. 241—246.

³ 1798 г., ч. 19, стр. 249—254.

⁴ Кн. 3, 1798—1799 г., стр. 264—271.

⁵ М., типография Решетникова. 1799. 8°.

особенно известно «На именины»; писал он ещё к княжне В. Н. Долгорукой, к княгине В. А. Трубецкой; к последней относятся стансы — «Спор о луне», и переписка в стихах, напечатанная в его сочинениях. К этому же отделу относятся ещё стихотворения «Досада», «За женщин» и «Завещание (1799 г.)». В последнем произведении Долгорукий обнаружил ту глубину души, которая с того времени всё чаще и чаще стала проявляться в последующих его произведениях. К 1799 году относятся ещё следующие произведения князя: «Спасибо 1799-му году», из которого видно, что Иван Михайлович был в мире с судьбою; «Стихи на именной указ о даче жёнам убитых в армии штаб и обер офицеров пенсионов 30 августа 1799 года»;¹ к 1800 году — «Дружбе»² и «Заговенье»;³ к 1801 году — «Стихи на запрещение азартной карточной игры»,⁴ «На освобождение князя Сибирского» (в похвалу кроткого государя Александра I). В 1801 году, по указанию Сопикова (№ 5013), был издан в Москве в 3-й раз и «Камин».

С восшествием на престол императора Александра I, князю Долгорукому захотелось получить чин, и, помня удачу письма на имя Екатерины II, он такое же послал и Александру I; ответа, однако, не было долго, и не дождавшись его, князь вздумал послать ещё к государю четверостишие, рассчитывая, что странность поступка заставит обратить на себя внимание; в стихах он просил чин. Говорят, государь изъявил негодование, что прошения подданных посылаются в стихах. Несмотря на это, князю объявлено было высочайшее соизволение, чтобы он избрал себе губернаторское место, где пожелает, ибо та должность, которую он занимает, несовместна с следующим ему чином, а 8 февраля 1802 года он был назначен губернатором во Владимир.

Приехал князь Долгорукий во Владимир сначала один, так как жена его была больна чахоткой; с женой остались и дети. Приняв губернию, новый Владимирский губернатор счёл своею обязанностью прежде всего объехать и осмотреть её. При этом обзоре губернии, кроме предметов, входивших в прямую обязанность губернатора, осмотра дорог и мостов, числа дел и арестантов, князь Долгорукий не оставлял без внимания и замечательных местностей, не пренебрегал народными преданиями и тому подобным.

В Суздальском уезде губернатор вошёл во все подробности тамошнего Спасо-Ефимьевского монастыря и написал о нём «Историческое повествование», нигде не напечатанное; не напечатана и рукопись «Мемориал о Суздальском монастыре», представленная князем в 1808 году министру внутренних дел с целью — улучшить участь арестантов (монастырь служит местом заключения для преступников). О городе Суздале князь записал предание (после подтвердившееся), что название города произошло от соединения двух слов — сушь и дол.

В Переславле-Залесском губернатор осмотрел озеро Плещеево, на котором Петром I выстроен ботик, и мыс Гремячий, где, по преданию, стоял домик императора. Ботик хранился в чужом селе, в полуразрушенном сарае. Князю Долгорукому пришла мысль о сохранении ботика для потомства и потому он решился просить о дозволении соорудить памятник Петру Великому на самом месте его начальных подвигов; о своём намерении он сообщил секретарю государя, Трощинскому. Проект князя состоял в том, чтобы построить приличное каменное здание, в котором сохранялись бы как ботик, так и другие остатки дома Петра. Желая присоединить к этому делу и существенную пользу, князь предполагал возвести строение на шесть отставных инвалидов-матросов, которые за готовое содержание караулили бы здания. Государь утвердил предположение князя Долгорукого и удостоил его рескриптом. В 1803 году последовало торжественное перенесение ботика в новое здание, на котором с одной стороны была надпись «Петру Великому усердный Переславль», а на другой выставлены год, месяц и число. На торжестве была читана «Ода» князя Долгорукого, которая, как видно, тогда же была и напечатана, так как ревизовавший в 1803 году главное училище во Владимире [П]. М. Дружинин в заключение своей ревизии обратился к ученикам «с приличным приветствием... наградив отличнейших из них песнью, сочинённую на случай введения ботика блаженныя памяти Государя Петра I в новостроенное здание (в Переславле), подаренною самим сочинителем, его сиятельством Владимирским губернатором князь Иваном Михайловичем Долгоруким училищу в сём намерении». В настоящее время охранение ботика обеспечено вполне, так как в 1852 году владимирское дворянство приобрело в собственность село Вельское, близ которого находится памятник;

¹«Ипокрена», 1799 г., ч. 3, стр. 396—399.

²«Ипокрена», 1800, ч. 5, стр. 106—113.

³Стихи, там же, стр. 245—248.

⁴Там же, 1801, ч. 10, стр. 127—129.

но заслуга князя Долгорукого несомненно та, что он первый возбудил вопрос о сохранении памятника трудов Петра, — без него, вероятно, этот ботик давно бы был разрушен и уничтожен временем.

Возвращаясь из первой поездки по губернии, князь Долгорукий по дороге из Коврова, между Гороховцем и Вязниками, пленился уголком земли, на котором стоит погост Архидиакона Стефана. Крутая гора, под которой извивается Клязьма, по словам князя, «есть место превосходной красоты. Унылое воображение находит здесь самую приятную пищу». Плодом этого восхищения красотой природы явилось стихотворение — «Размышление на берегу Клязьмы, при погосте Архидиакона Стефана». В эту же поездку обратил князь внимание и на так называемое «Поганое озеро», в 7 верстах от Владимира; [7 км] по преданию, в это озеро были брошены в коробах сыновья боярина Кучки и другие убийцы Андрея Боголюбского. В Петров день, по преданию, в озере слышится стон и коробки плавают по озеру. Сообщив это предание, князь прибавляет: «чего не представит прихотливое воображение?»

Из сказанного видно, что князь Долгорукий, приняв в управление губернию, не желал относиться к вверенному краю только с официальной стороны; таковым он действительно и был до конца своей службы. Правда, отмеченное князем для нас уже не представляет интереса, так как давно более подробно известно; но нельзя же судить по нынешнему, как нельзя сравнивать стихи князя с произведениями последующих поэтов.

с. 16

Во время набора рекрут Иван Михайлович в том же 1803 году посетил опять некоторые города губернии, знакомясь там с обществом, нравами и обычаями. В этот раз в Александрове он познакомился с г-жою Пожарскою, которая после сделалась его супругой. В следующем 1804 году во Владимирской губернии были открыты 3 уездных города: Ковров, Судогда и Александров; при открытии двух первых присутствовал сам губернатор, и в Коврове 7 февраля он получил извещение от жены о пожаловании в тайные советники, по какому случаю князь написал стихи. В этом же году постигло его крупное несчастье: 12 мая скончалась его супруга Евгения Сергеевна, которую он похоронил в Москве.

Выше было упомянуто нами, что в 1808 году производилась ревизия главного народного училища во Владимире. Эта ревизия подготовляла к преобразованию училища в гимназию. Владимирский губернатор князь И. М. Долгорукий в этой реформе принимал горячее участие, и вообще он много сделал для Владимирской гимназии в первые трудные годы её существования, в смысле и нравственной и материальной поддержки.

Открытие Владимирской гимназии состоялось 7 августа: в гимназической зале (где теперь живёт директор гимназии) было отслужено торжественное молебствие с водоосвящением, после чего преосвященный Ксенофонт окропил всех и всё святою водою и благословил иконою Владимирских чудотворцев. На этот случай князь Долгорукий написал оду, которая и была прочитана на торжестве. За свои труды по устройству гимназии князь в 1805 году получил диплом на звание почётного члена Московского университета, и очень гордился университетским мундиром, так как «ни клевета, ни зависть его с меня не снимут».¹ Особенная помощь гимназии со стороны князя Долгорукого была оказана в приобретении помещения для гимназии. Главное народное училище, а потом гимназия помещались тогда в том небольшом корпусе, который теперь занят квартирой директора гимназии, канцелярией и квартирой эконома; губернаторский дом был построен в 1787 году и был тот самый 4-этажный на Большой улице, который теперь принадлежит купцу Н. Л. Философову; здания — старой аптеки и дома Вострухина (бывшего недавно Славнова) также принадлежали к губернаторской усадьбе.

с. 17

В 1804 году князь Долгорукий овдовел и 4-этажный дом оказался для него очень велик, да и потерю жены постоянно напоминал он. Поэтому князь охотно согласился на продажу дома министерству народного просвещения, но с условием, чтобы та комната, где скончалась княгиня, была занята только одной библиотекой, для каковой цели князь подарил гимназии все свои книги и книжные шкафы. Так всё и было устроено и сохранялось вплоть до пожара в 1841 году, который всё уничтожил.²

с. 18

Кроме того, князь Долгорукий оказал много и других благодеяний в пользу народного просвещения. Он принимал живейшее участие в успехах и благосостоянии гимназии, посвящая все её публичные акты, «также поощряя и содействуя к учреждению литературных бесед, которые

¹ «Ода на открытие Владимирской гимназии 1804 года августа 7 дня» напечатана в приложении к «Историческому очерку Владимирской губернской гимназии» П. Н. Страхова. Выпуск I, 1891 г., стр. 202—206.

² Подробности смотри в «Историческом очерке» Страхова, стр. 36—37.

ознакомливать с публикою и одушевлять своим присутствием — было всегда приятнейшим его удовольствием. Для поддержания гимназии он согласил дворянство отпускать в год по 100—200 рублей от каждой округи (уезда) на содержание 12 пансионеров из бедных дворянских детей, каковое заведение существовало, пока он был начальником губернии. Его же начальственным содействием общество всех уездных городов Владимирской губернии определило на содержание учреждённых в них приходских училищ отпускать ежегодно от 100 до 200 рублей. Подаренные им книги составляли лучшую часть гимназической библиотеки». В виде иллюстрации к сказанному можно добавить, что в 1802 году во Владимирской губернии было малых народных училищ только три (в Суздале, Переславле и Муроме; в Шуе и Юрьеве уже закрыты были), а частных школ не было ни одной; в 1805 году было 4 училища, а в 1810 году — уже 31.

с. 19

В первые годы существования гимназии заботились и об эстетическом развитии учащихся. Так, при гимназии существовал театр, декорации и прочие принадлежности для которого были даны, а потом пожертвованы князем Долгоруким. Впрочем, с уходом князя со службы (в 1812 году) скоро прекратились и ученические спектакли (в 1814 году). Кстати здесь отметить, что в 1826 году с кулис парусина была снята, окрашена в синий цвет, и из неё были сшиты летние сюртуки и панталоны для семи бедных учеников.

Наконец, нужно отметить и следующую жертву князя Долгорукого на пользу просвещения. Ещё до приезда во Владимир князь начал собирать свои сочинения. Первое издание их под заглавием — «Бытие сердца моего. Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого»¹ вышло в 1803 году и было принято публикой и печатью² очень благосклонно. О втором издании начались переговоры в 1806 году, и тогда-то князь Долгорукий препроводил к директору Владимирской гимназии два письма московских книгопродавцев о напечатании второго издания его сочинений, предоставляя директору войти с ними, или с кем угодно, в условия о напечатании не только этого издания, но и всех тех, кои впредь быть могут, с дополнительными, какие во всю его жизнь окажутся, сочинениями, и обратить в пользу гимназии «с распространением права гимназии на оные до такой отдалённости времени, колико человеческие предположения в пространство будущего углубиться могут; чтоб и по смерти его всё, что найдётся к печатанию терпимым, не иным каким-либо образом явилось в публике, как с доставлением всех от того выгод и прибытков в пользу гимназии», причём желание князя было, чтоб польза гимназии от этих изданий состояла в приобретении не денег, а книг, дабы со временем основалась во владимирской гимназии библиотека. На пожертвование был составлен формальный акт, который и утверждён университетом, изъявившим князю признательность. 2-е издание стихотворений князя вышло в 1808 году под тем же заглавием,³ причём издание было отдано самим университетом с публичного торгового Пономарёву с тем, чтобы на вырученные за это деньги ежегодно покупались книги для составления библиотеки во владимирской гимназии. Но Пономарёв обманул и гимназия ничего не получила. Приступая в 1816 году к 3-му изданию, князь Долгорукий, чтобы не быть опять обманутым, сам распорядился его изданием и отдал его А. С. Ширяеву, который дал за право издания на тысячу рублей книг, по выбору князя, которые на счёт Ширяева и были отправлены во Владимирскую гимназию. Третье издание вышло в 4 частях: «Бытие моего сердца, или стихотворения Князя И. М. Долгорукого». Издание 3, дополненное значительно, с виньеткою и портретом автора. 4 части. М., в Университетской типографии, 1817—1818. 8°.

с. 20

с. 21

К заслугам князя Долгорукого во время губернаторства во Владимире нужно отнести ещё следующее. — По указу Павла I от 4 декабря 1796 года велено было описывать в казну всё имение, остающееся после наказанных делателей фальшивых ассигнаций. Князь, рассуждая, что наследники преступников через лишение всего имущества становятся в тягость мирскому обществу, сделал представление об этом министру внутренних дел и 19 декабря 1803 года вышел указ, отменяющий прежний. — В 1806 последовал манифест об учреждении в России земского войска, названного милициею. Дворянство было собрано во Владимире и немедленно приступило к раскладке повинности набора по числу душ. Пока дворяне делали своё дело, князь собрал от каждого города голов с депутатами, сказал им речь;⁴ купечество вняло слову

¹ Москва. В университетской типографии у Любия, Гария и Попова, 1802, 8°, 390 стр.

²Смотри, например, отзыв в «Московском Меркурии», 1803, ч. 3, № 8, стр. 117—127.

³М., в типографии Пономарёва, 8°.

⁴«Речь, произнесённая в полном собрании купечества Владимирской губернии, при объявлении оному Высочайшего манифеста о земском войске, и Ода князю Пожарскому». М., 1807. 8°; и перепечатка во «Владимирских губернских ведомостях», 1867, № 6, стр. 53—54.

князя и положило на стол 120 тысяч рублей. В 1807 году приезжал во Владимир сенатор И. В. Лопухин для обревизования действий по набору земского войска, и 8 марта он доносил государю, что «всё касающееся до составления земского войска со стороны гражданского начальства, при ревностном подвиге всех сословий Владимирской губернии, весьма хорошо устроено». — В 1810 году князь занимался переустройством рабочего и смирительного домов, вместе с которыми он соединил устройство суконной фабрики на 8 станов, так как министерство в то время поощряло подобные занятия арестантов. В том же году был выстроен и новый губернаторский дом (существующий донныне) и 2 ноября князь переехал в него. «Для постройки его, — говорит князь, — выбрал я наилучшее место в городе, рядом с архиерейским подворьем, над самой красивой горой, к приречной стороне, куда обращены были все приёмные покои, как на самый лучший городской вид. Многие укоряли меня, что я выставил нежилые строения, принадлежащие к дому, по улице, и не обратил туда переднего фасада дома с колоннами; но мне казалось, что гораздо лучше глядеть из зала на Клязьму и на величественные её окрестности, нежели смотреть, как мимо окошек с базару скачут пьяные мужики по улице». Из других памятников, оставленных князем после себя во Владимире, упомянем: при нём построены дома для призрения незаконнорождённых и недужных; открыта аптека от приказа общественного призрения; засыпан овраг, устроена дорога и вымощена улица, соединяющая город с другою его стороною, за речкою Лыбедью. куда не было проезда; насажен бульвар; духовенству возвращены, по его ходатайству, отходившие от него земли; уничтожена скопческая секта; наконец, в губернском городе приведены в определённое состояние городские и полицейские повинности.

с. 22

с. 23

Личная жизнь князя за время пребывания во Владимире не богата событиями: судьба к нему была безжалостна.

Несмотря на то, что князь любил шум народный и веселье, он был склонен и к уединению. Когда он овдовел, эта склонность в нём ещё более развилась, и он на речке Рпени, на берегу, противоположном городу, устроил себе хижину, в которой в свободные от службы дни любил по несколько часов в день предаваться совершенному уединению; там он читал, мечтал и писал стихи. Памятником этого времени осталось стихотворение — «Хижина на Рпени».

В 1805 году ревизовал губернию сенатор граф Головкин, по пути следования в Китай во главе посольства; ревизия была самая подробная, и князь Долгорукий в состоянии был удовлетворить все требования ревизора. Граф Головкин остался совершенно доволен и порядками губернии, и удовлетворительными сведениями о ней князя; в этом смысле было сделано донесение и государю, вследствие чего князь Долгорукий получил в награду столовые деньги, по 200 рублей в месяц, пока пробудет в настоящем звании. Проводив Головкина, князь поехал опять осматривать губернию. В Александровском уезде он заехал к И. И. Муханову, в его село Успенское, где был сельский праздник. Здесь он написал стихотворение, дышащее тоской одиночества. 13 января 1808 года князь Долгорукий вступил во второй брак с Аграфеною Алексеевною, урождённою Безобразовою, а по первому мужу Пожарскою, которая принесла с собою в приданое небольшое имение в деревне Александровке, во Владимирской губернии, и винокуренный завод, наследованный ею от первого мужа. В том же году вышли из печати стихотворения Долгорукого, написанные им во время вдовства, свидетельствующие, что он со всею искренностью своего доброго сердца оплакал кончину первой супруги. Книжка называлась — «Сумерки моей жизни».¹ Необходимо заметить, что свадьбой князя и всеми хлопотами заведовал некто Дуров, бывший старшиной владимирского благородного редута (собрания). Об этом лице в записках князя говорится довольно много; оно же послужило князю сюжетом для его комедии «Дурылом, или выбор в старшины». Комедия в 3 действиях.² Летом того же года князь с семейством отправился в Петербург, где переменялось начальство. Там он был принят хорошо, ему дана была Анненская лента, первый и последний орден, им полученный. В конце 1809 года, неизвестно почему, князь Долгорукий сжёг многие из своих рукописей, в том числе и все пензенские бумаги, которые были собраны у него под названием «Статского журнала». Другие рукописи И. М. не только сохранил, но даже привёл в порядок, и между прочим — «Записки шведского похода», которые не были изданы. В 1810 году князь ездил в отпуск (на три месяца) в Одессу — через Киев. В том же году было учреждено министерство полиции, причём министром был назначен знакомый Долгорукому А. Д. Балашов. Этому князь

с. 24

с. 25

¹М., Университетская типография, 1808. 8°.

²М., 1818. 8°.

почему-то обрадовался и частным письмом обратился к Балашову за советом — может ли он жаловаться государю на, по мнению князя, несправедливые и обидные выговоры и штрафы, которые он и губернское правление неоднократно получали от сената. Балашов частное письмо представил в оригинале государю. Делу был дан законный ход. В том же 1811 году случилось и другое весьма неприятное обстоятельство. Губернатор надумал всенародно отпраздновать именины своей жены, 16 июня, в день провод иконы Боголюбской Божией Матери из Владимира. Во время вечерней иллюминации произошло столкновение полиции с соборным священником Виноградовым; в результате губернатор велел посадить священника в полицию. Это дошло до Петербурга. Наконец, в том же году случилась и третья беда: во время рекрутского набора между князем и вице-губернатором Дюнантом открылись несогласия по поводу рекрутской раскладки. Раскладка осталась, а Дюнант послал к министру полиции донос о замечаемых будто бы злоупотреблениях. Для производства следствия был прислан генерал-майор Ильин. Все предводители губернии поднесли князю одобрительный адрес, но следователь эту бумагу не принял.

Среди всех неприятностей князь Долгорукий не только не забывал литературу, но находил в ней даже некоторую отраду. Правда, писал он мало, но — по примеру открытой тогда в Петербурге Державиным Беседы любителей русского слова — учредил маленькое подобие её у себя в доме, литературные вечера по вторникам. Членов было немного, в том числе некоторые учителя гимназии: чтения происходили в большой зале губернаторского дома, при посторонней публике, которой эти чтения нравились.

В 1812 году Долгорукий поехал в Петербург, а 23 марта вышел указ, по которому князь получил отставку. В Петербурге он был приглашён на чтения Державинской Беседы и принят в её почётные члены; почётным же членом избрали князя московское Общество любителей русской словесности и два петербургских — Любителей словесности, наук и художеств и Соревнователей просвещения и благотворения. Во Владимир князь более уже не возвращался как губернатор.

Поселясь в Москве, князь прожил в ней недолго, так как французы быстро приближались к древней столице. 31 августа 1812 года Долгорукие выбрались из Москвы и поселились сначала в подмосковном селе Никольском; но так как здесь могла угрожать опасность, то в конце сентября они отправились во Владимирскую губернию и основали своё временное пребывание в городе Шуе, где городничий Шульгин предоставил семейству своего бывшего начальника в полное распоряжение свой дом. Здесь, под впечатлением московского пожара, князь Иван Михайлович написал стихотворение «Плач над Москвой». По освобождении Москвы Долгоруковы возвратились в Никольское, а 1 ноября приехали взглянуть на Москву; дом их оказался целым. К концу года они, однако, возвратились в Шую; здесь, успокоившись от тревог, князь принялся опять за литературу: продолжал «Записки о своей жизни» и писал стихи, из которых следует упомянуть сатиру «Черты свободного писателя» и особенно — «Везёт»; последнее обошло тогда в рукописи почти всю интеллигентную Россию. Из Шуи Долгоруковы окончательно выбрались в конце 1813 года.

Возвратившись в Москву, князь отдался прежним развлечениям и занятиям: бывал в обществе, летом 1814 года совершил несколько поездок и занимался литературой; так, он написал и издал «Рассуждение о судьбе, взятой в смысле французского слова Fatalité, латинине Fatum»,¹ начал переводить с французского роман Коцебу — «Филибер, или отношения общественные», напечатанный в 1815 году,² и описал своё «Путешествие в Нижний».³ В 1815 году князь с женою ездил в деревню Александровку, во Владимирской губернии, и деревенская жизнь показалась ему вдвое пустее и тошнее. К 1815 году относятся следующие произведения князя Долгорукого: «Извлечение из рукописи под названием: „Славны бубны за горами. 1810 года“»;⁴

¹ М., Университетская типография, 1814. 8°.

² 4 части. М., Университетская типография, 8°.

³ Напечатано гораздо позже, после смерти — «Журнал путешествия из Москвы в Нижний, 1813 года» в «Чтениях в Московском Обществе истории и древностей Российских», 1870 г., I, стр. 1—124, и тогда же отдельно: М., Университетская типография, 1870. 8°. 124 стр.

⁴ «Амфион», 1815 г., кн. 3, стр. 4—14, за подписью: Кн. И. Д. — Эта рукопись — «Славны бубны за горами, или путешествие моё кое-куда 1810 года» полностью была напечатана, с предисловием О. М. Бодянского, в 1869 г. в «Чтениях в Московском Обществе истории и древностей Российских», № 2, стр. 1—170, и № 3, стр. 171—356, и отдельно: М., 1870 г., в Университетской типографии, 8°. VII+355 стр.

«Богатый. Отрывок из длинного стихотворения» К. И. Д.;¹ «Херсон» (проза);² «Стихи любви. Подарок Ан. Ив. Вил—вой»;³ «Ильинское».⁴ С 1816 года князь открыл в своём московском доме домашние спектакли, которые посещались известными людьми лучшего общества, что, однако, не мешало этим же людям в награду за доставляемое удовольствие злословить насчёт князя. Иван Михайлович, конечно, огорчился такою неблагодарностью и в ответ своим порицателям написал стихи — «Мой театр». В этом же году кончились и все дела, относившиеся до князя Долгорукого: велено было сделать ему выговор. По этому поводу он написал стихотворение «Невинность»⁵ Стихотворение это в Обществе напугало одного из членов, профессора Сандунова, своею вольностью, и потому оно послано было для печати в Петербург. В «Трудах» Общества оно явилось только в 1817 году. К 1816 году относится и комедия «Дурылом»; в этом же году князь, проезжая в деревню, был во Владимире и посетил прежде всего гимназию. В 1817 году он с семейством ездил в Киев, и эту поездку описал под названием — «Второе путешествие в Малороссию».⁶

с. 29

Живя без жалованья и не имея свободных средств, Долгорукий нуждался, — его постоянно беспокоили долги и недостатки, и потому он сильно хандрил. Для поправления средств оставался один исход, и он продал Никольское и через это расплатился с кредиторами. Во время поездки в Нижний у князя разболелась нога и он ещё более сделался мрачен, впал в ипохондрию. Следствием такого душевного настроения были стихи — «Размышления недужного», которые после были напечатаны в «Соревнователе просвещения». В 1819 году князь написал стихи «На кончину Её Величества Королевы Виртембергской»;⁷ в конце того же года он начал составлять словарь всех лиц, с которыми в течение своей жизни был в сношениях, и окончил его в октябре 1820 года. Это сочинение Долгорукого, с предисловием Бодянского, вышло в свет под заглавием — «Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни».⁸ В 1820 году Долгорукий написал шесть небольших театральные пьес, под названием «Пословицы», которые были все умны и забавны; это — «Мешай дело с бездельем, с ума век не сойдёшь», «Чему быть, того не миновать», «Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив», «Вот тебе, бабушка, Юрьев день», «У семи нянек дитя без глазу» и «Гриб съели», комедия в 2 действиях. Потом он написал трагедию в стихах «Султан-Фатма» и начал перевод вольтеровой трагедии «Агафоклес»; в 1822 году им написаны стихи на «Чистый понедельник», замечательные по выраженным в них христианским чувствам. Необходимо оговориться, что указанными произведениями далеко не исчерпывается литературная деятельность князя, — мы многих произведений его совсем не упомянули, как, например, «Я», «Взгляд старца на заходящее солнце», «Бедняку», «Спор», песни (числом 29), «Семира Болеславна», «Исповедь греховодника», «В последнем вкусе человек» и другие.

с. 30

с. 31

Из изданных после смерти князя можно, кроме указанных выше, ещё отметить:

- «Письма (его) к Макарову» в «Дамском журнале» т. 25 (№ 13) и т. 26 (№№ 17 и 18);
- «Автобиография отца моего князя И. М. Долгорукова», сообщённая сыном его в «Москвитяине» 1844, № 11, стр. 196—213 (издано и отдельно М., Университетская типография, 1844. 8°),
- и продолжение — «Записки князя И. М. Долгорукого» («Отрывки»), там же, 1845, № 2, стр. 21—43;
- «Полное собрание сочинений», издание А. Смирдина. 2 части. СПб., типография Императорской Академии наук. 1849. 8°,

¹ «Амфион», 1815, кн. 3, стр. 51—60.

² Там же, кн. 4, стр. 11—22.

³ Там же, стр. 57—59.

⁴ Там же, кн. 6, стр. 42—57.

⁵ СПб., типография Плавильщикова, 1817. 8°; и другое издание — СПб., в типографии Ивана Глазунова. 1817. 8°, с таким подробным титулом: Сочинение Князя Ивана Михайловича Долгорукого, почётного члена Императорского Московского Университета и Общества Любителей Российской Словесности, при оном учреждённого, в котором сочинение сие и было читано публично.

⁶ Напечатано после смерти в «Чтениях в Московском Обществе истории и древностей Российских» 1870 года, № 2, стр. 1—208 и оттуда отдельно.

⁷ М., типография Семена, 1819. 8°.

⁸ «Чтения в Московском Обществе истории и древностей Российских», 1872, № 3, стр. 1—60; № 4, стр. 61—148; 1873, № 1, стр. 149—214; № 2, стр. 215—330, и № 3, стр. 331—369; и отдельно М., 1874, 8°, в Университетской типографии, VI+IV+369+9 стр.

- и, наконец, «Шуточный романс» Долгорукого, сообщённый М. Р., то есть М. М. Рангом, во «Владимирских губернских ведомостях» 1870, № 25.

Князь И. М. Долгорукий скончался в Москве, вдруг, без страданий, 4 декабря 1823 года и погребён в Донском монастыре.

с. 32 «Живость ума, чувствительность сердца, неистощимая весёлость, сменяемая иногда приступами дурного расположения духа, которое князь Долгорукий называл по-своему хандрою; неограниченная привязанность к друзьям и какая-то детская простота шутливости; любовь к человекам и к обществу, вместе с недоверчивостью вообще к людям, которых он и имел-таки причину не любить; благородство мыслей и чувств, вместе с простонародностью в их выражении, доходившею иногда до прекрасной простоты, иногда почти до пошлости; высокость, нередко глубина чувства; умение предаваться совершенно настоящей минуте, как скоро не было помехи от внешнего мира; наблюдение всех светских приличий, вместе с наружною небрежностью в одежде и в домашнем быту, и с какою-то оригинальностью, с каким-то своевољством обычаев; наблюдение с людьми взаимных отношений, как скоро не мешали этому нетерпеливость или припадок весёлости, доходившей иногда до крайности; наконец, непритворное религиозное чувство, любовь к семейству, добродушие: вот черты, — говорит М. А. Дмитриев, — из которых состояла разнообразная и беспримерная смесь оригинального характера этого замечательного человека».

О князе Долгоруком смотреть:

- Вестник Европы, 1816 г., ч. 85, № 3, стр. 186—188 («Князю И. М. Долгорукому по случаю моего отъезда из Москвы»).
- Вестник Европы, 1817, ч. 93, № 10, стр. 101—103 («Князю И. М. Долгорукову», Остолопов).
- Русский инвалид, 1823, № 302, стр. 1208 (некрология).
- Литературные листки, 1824, ч. 1, № 1, стр. 25 (некролог).
- Исторический, статистический и географический журнал, 1827, ч. 2, № 4, стр. 48—51 («Отношение покойного князя И. М. Долгорукого к бывшему директору Владимирской гимназии А. А. Цветаеву»).
- с. 33 • Дамский журнал, 1824, ч. 5, № 2, стр. 83 (Н. И. Писарев — «К портрету князя И. М. Долгорукого»).
- Дамский журнал, 1824, ч. 5, стр. 35 (граф Д. И. Хвостов — «Надгробие князю И. М. Долгорукому»).
- Атений, 1828, ч. 1, № 2, стр. 93—94 (Ник. Иванчин-Писарев — «Нечто о редкой долговечности талантов»).
- Москвитянин, 1851, ч. 1, № 3 (февраль), стр. 265—320 (М. А. Дмитриев. «Князь И. М. Долгорукий и его сочинения»).
- То же, отдельно: М., Университетская типография, 1851, 8°.
- То же, издание 2, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное. М., типография Степановой, 1863, 8°, III+284 стр.
- То же, перепечатанное в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений», 1851, №№ 365 и 366.
- Труды Владимирского губернского статистического комитета, вып. 6 (1867 г.), и «Владимирские губернские ведомости», 1867, № 6, стр. 50—54 (М. М. Ранг — «Князь И. М. Долгорукий, владимирский гражданский губернатор»).
- Современная летопись, 1863, № 41 (М. Н. Лонгинов — «Князь И. М. Долгорукий, по поводу его сочинений»).
- Отечественные записки, 1824, № 8, стр. 264—271 («О жизни и сочинениях В. В. Капниста и князя И. М. Долгорукова»).
- Русский архив, 1863, № 3 (М. Н. Лонгинов — о сочинениях и хронология стихотворений Долгорукого).
- Друг просвещения, 1806 г., ч. 2, № 6, стр. 216—230 («Новый опыт исторического словаря о русских писателях» митрополита Евгения).
- Словарь русских светских писателей, митрополита Евгения, издание «Москвитянина». Т. 1. М., Университетская типография, 1845, 8°, стр. 187.
- Опыт краткой истории русской литературы, Греча. СПб., типография Греча, 1822, 8°, стр. 211—212.

с. 34

- Энциклопедический лексикон, издание Плюшара, т. 17. СПб. 1841, 8°, стр. 91—92 (В. Пл., то есть В. Т. Плаксин).
- Справочный энциклопедический словарь, Крайя. СПб., 1855, т. 4, стр. 132.
- Полное собрание сочинений, С. Т. Аксакова, издание Н. Г. Мартынова. СПб. 1886, типография В. Безобразова, т. 4, стр. 38—39.
- Справочный словарь о русских писателях и учёных... Г. Н. Геннади, т. 1. Берлин, 1876, 4°, стр. 317—318.
- Словарь русских писателей среднего периода русской литературы, А. В. Арсеньева. СПб., 1887, 16°, стр. 140—141.
- Русские поэты в биографиях и образцах, Н. В. Гербеля. Издание 3. СПб., 1888, 8°, стр. 58—66.
- Исторический очерк Владимирской губернской гимназии, П. Н. Страхова, вып. 1. Владимир, 1891, 8°, стр. 6—7, 20, 35—38, 43, 62—63, 128—129, 165—166, 177, 186 и 202—206.
- Сочинения К. Н. Батюшкова. СПб. 1885, т. 2, стр. 509—512.
- Энциклопедический словарь, издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 10 (полutom 20). СПб., 1893, 8°, стр. 924 (А. Л—нко).
- Настольный энциклопедический словарь, издание А. Гарбеля и К°, т. 3 (вып. 33), стр. 1561—1562.
- Главный материал для биографии князя Долгорукого составляют его сочинения — «Автобиография» (напечатанная в «Москвитянине» 1844 года и 1845 года) и «Капище моего сердца», а также и его стихотворения.

Дополнения и исправления

О нём смотреть:

с. 263

- История Императорского Московского Университета, С. П. Шевырёва. М., 1855, 8°, стр. 208—209.
- Русская старина, 1897, № 1, стр. 71—79 («Увлечение поэта. К биографии князя И. М. Долгорукова. 1793—1796»).

Дополнения

Князь сотрудничал в «Современном наблюдателе российской словесности» 1815 г., в «Сыне отечества» того же года, в «Аглае» 1808—1812 гг., в «Новостях русской литературы» с 1822 г., в «Дамском журнале» и других. — О нём смотреть:

с. 283

- «Труды общества любителей российской словесности», ч. 12, с. 130.
- «Послание к Привете», А. А. Палицына, Харьков, 1807, с. 51.
- «Сказания о роде князей Долгоруковых», князя П. В. Долгорукова, СПб., 1840, с. 159—163.
- «Москвитянин», 1842, книга 1, с. 180, примечание.
- «Памятник претекших времён», А. Т. Болотова, М., 1875, т. 1, с. 103.
- «Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности», А. Д. Галахова, издание 9, М., 1895, т. 2, с. 251—265.
- «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского», т. 8, СПб., 1883, с. 476—480, и т. 9, СПб., 1884, с. 62.
- «Рассказы бабушки», Благово, СПб., 1885, особенно с. 266—267.
- «Словарь гравированных портретов», Д. А. Ровинского, СПб., 1889, с. 610.
- «Очерки из истории русской литературы», Л. Н. Майкова, СПб., 1889, с. 422 и 423.
- «Материалы для русской библиографии», Н. В. Губерти, вып. 3, М., 1891, с. 869—872.
- «Императрица Мария Фёдоровна», Е. С. Шумигорского, т. 1, СПб., 1892, с. 335—336.
- «Опыт русской историографии», В. С. Иконникова, т. 1, кн. 2, Киев, 1892, с. 918.
- «Жизнь и труды М. П. Погодина», Н. П. Барсукова, книга 7, СПб., 1893, с. 211—213.
- «История Московского университета», С. П. Шевырёва, М., 1855, с. 304, 340, 345 и 575.
- «Русские ведомости», 1895, № 176 (описание его могилы).
- «Сборник 2 отделения Академии Наук», т. 33, с. 228—229 (С. П. Шевырёв — «Лекции о русской литературе»).

с. 284

- «Русский архив», 1866 (в воспоминаниях И. М. Снегирёва);
- «Русский архив», 1876, № 9, с. 60.

Дополнения

с. 184 В журнале «Библиофил» за 1914—1916 гг. напечатаны его (впервые появившиеся в печати) «Записки князя И. М. Долгорукого».